

Из двух военных лагерей, на западе и на севере, также пришли срочные донесения. В них сообщалось, что у пораженных окаменением солдат начали появляться признаки улучшения: они шли на поправку и, судя по всему, вскоре должны были полностью восстановиться. Письмо от Мио вышло бесконечно длинным и занудным, а вторую его половину занимала неприкрытая лесть в адрес Кевина и Освальда — целый лист изысканных славословий на все лады, от которых у Освальда аж зубы заныли.

Честно говоря, хотя молодой император по-прежнему держался с невозмутимым видом, сохраняя бесстрастное лицо, на самом деле он был в прекрасном расположении духа.

Нашествие насекомых еще не было полностью остановлено, но, обретя священную воду, жители Королевства Золотого Льва воспрянули духом. С наступлением сумерек горожане в столице даже устроили стихийный молебен перед алтарем на центральной площади.

Пришли почти все, кто вообще мог ходить. Трижды прокричав здравицу в сторону Висячего замка и повторив церемониал коронации нового императора, они окружили статую в самом центре алтаря.

Посреди бассейна у алтаря возвышалась огромная колонна с барельефом, на котором были изображены три великих верховных бога прежней эпохи, Новый Бог и могучий величественный лев.

Освальд в своем указе по всей стране хоть и не упомянул о раскопках гробницы, но упомянул о священной воде Бога Света Фаэ.

Избавившись от смертельной угрозы, люди благоговейно пали ниц перед той стороной колонны, где был высечен лик Фаэ, вознося благодарности за священную волю и благословение Бога Света, дошедшие сквозь тысячелетия.

Освальд стоял на высокой башне крепостной стены Висячего замка. Опираясь руками на парапет и скрываясь в тени, он смотрел вниз на собравшуюся толпу.

Когда он только взошел на престол, то не находил в этой роли ничего завидного или желанного.

Прошное сделало его характер крайне независимым: он привык полагаться только на себя, не терпел зависимости от других и терпеть не мог, когда кто-то возлагал надежды на него самого. Одно время он даже думал, что бремя императора — отвечать за безопасность и будущее толпы посторонних людей — невероятная скука и обуза.

Но сейчас, глядя на ликующий город, он вдруг подумал, что если груз на его плечах станет чуточку тяжелее, в этом, пожалуй, нет ничего плохого.

И пока все радовались, один человек пребывал в крайне скверном расположении духа.

Этим человеком был бывший Бог Света Фаэ, а ныне — командир Бронзовой армии, господин Кевин Фассбиндер.

То ли император переборщил со снотворным, то ли постоянное затягивание ран в Гробнице Богов отняло слишком много сил, но Кевин проспал еще дольше, чем в прошлый раз. Он пролежал без чувств целую неделю, так что все кости у него буквально затекли.

Когда Кевин открыл глаза, действие сонного зелья еще не прошло. С совершенно потерянными

выражением лица в духе «кто я и где нахожусь» он какое-то время тупо разглядывал массивный, величественный свод дворцового потолка и лишь затем заставил себя сесть.

Стоило ему шевельнуться, как каждый сустав отозвался протяжным скрипом, будто у разваленной, насквозь проржавевшей повозки.

Хорошо, что проснулся, а то еще немного — и тело бы совсем отказало...

Кевин с иронией подумал об этом и, прищурив заспанные глаза, поднял руку, собираясь помассировать затекшую шею.

Но стоило ему пошевелиться, как раздался отчетливый металлический звон. Запястья казались слабыми после долгого сна, двигать ими было на удивление тяжело.

Словом, творилось что-то очень странное.

Нахмурившись, Кевин приоткрыл один глаз и скользнул взглядом по левой руке. Сонливость как ветром сдуло, он мгновенно пришел в себя.

— Какой паршивец нацепил на меня эти кандалы?!

Кевин решил, что все еще спит. Может, ему снова снится та ночь в подземелье Страны Северного Нефрита?

Однако утерянные воспоминания быстро вернулись. Перед тем как провалиться в небытие, он находился в главном зале Гробницы Бога Фаэ, где этот мерзавец Освальд посмел подло усыпить его, брызнув зельем прямо в лицо.

Кевин молча усмехнулся про себя.

Стоило ли гадать, чьих рук это дело?

В этот миг ему больше всего на свете хотелось повернуть время вспять и перенестись на тысячи лет назад, к берегам Священного озера Ана. Уж там-то он бы схватил Тенис и Фейсу за шкирки и хорошенько вправил им мозги: «И дернул же вас черт от скуки создавать людей! Поглядите, на кого теперь похож ваш дражайший младший брат, эти ваши потомки совсем обнаглели!»

Увы, божественной силы у него не осталось. Если не считать бессмертия, он мало чем отличался от обычного смертного, поэтому ему оставалось лишь сердито таращиться на цепи и мысленно плевать кровью от досады.

— Так не пойдет, нужно найти подходящий инструмент, — пробормотал он.

С этими словами Кевин принялся внимательно осматривать комнату.

Судя по всему, это были одни из покоев дворца, по роскоши мало уступавшие спальне самого Освальда. Только убранство здесь казалось светлее и не таким мрачным — комната выглядела обустроенной для кого-то молодого.

Выкованные по приказу Освальда кандалы оказались на редкость «гуманными»: его не приковали намертво к кровати. Цепь была достаточно длинной, чтобы свободно перемещаться по комнате, но выйти за дверь он не мог.

Кевин спустился с постели и, даже не подумав обуться, пошел босиком бродить по комнате, без лишних церемоний переворачивая все вверх дном.

— Что ты ищешь? Если что-то вроде отмычки или тонкой спицы, то можешь не трудиться — здесь ничего подобного нет.

Голос Освальда раздался внезапно. Он звучал лениво и размеренно, с непривычно мягкими, небрежными интонациями, лишенными прежней суровости.

Увы, Кевину в этих словах послышалась лишь откровенная издевка в духе: «Ну давай, попробуй достань меня».

Разумеется, это впечатление было чистым плодом воображения самого господина Фассбиндера.

— Послушай... — Кевин, который как раз рылся в невысоком шкафу, выпрямился, оперся локтем о его верхнюю панель и, приняв крайне расслабленную позу, протянул: — Не думай, что раз ты стал императором, я побоюсь всыпать тебе как следует.

Император стоял в дверях, собственноручно держа серебряный поднос с аппетитно пахнущей едой и бокалом фруктового вина. Кивком указав на тянущуюся по полу цепь, он ответил:

— Знаю, что не побоишься. Потому и заковал тебя заранее.

Кевин потряс цепями:

— И что, думаешь, эти железки меня удержат?

Освальд снизошел до того, что освободил одну руку и сделал вежливый жест приглашения:

— Вовсе нет. Я вполне допускаю, что ты можешь разорвать их голыми руками, и морально к этому готов.

Кевин промолчал. Голыми руками разорвать их он сейчас действительно не мог.

— Прекрасно, — Кевин раздраженно закатил глаза и, лениво волоча за собой цепи, уселся на край кровати. Перебирая пальцами звенья, он спросил: — Ну и объясни мне, чем я заслужил столь оригинальную награду? Я ведь помог тебе открыть врата храма и добыть священную воду, Ваше Величество. У тебя что, память как у рыбы?

Освальд молча смотрел на него некоторое время, а затем спросил:

— Ты хоть знаешь, сколько проспал на этот раз?

Кевин взглянул в окно. Там по-прежнему лил нескончаемый дождь, так что определить время было невозможно.

— И сколько же?

— Семь дней, — ответил Освальд. — Доза снотворного была совсем крошечной. Лекарь уверял, что ее хватит максимум на одну ночь. Но ты проспал целую неделю. Тебе нужно объяснять, почему так вышло?

Кевин лишь недовольно скривил рот.

— Если я правильно понимаю, в прошлый раз ты впал в беспамятство из-за того, что очнулся в подземелье — фактически воскрес из мертвых. Но даже тогда тебе хватило трех дней и трех ночей, чтобы прийти в себя. А теперь ты проспал семь дней, — Освальд прищурился и добавил прохладным тоном: — Поход в Гробницу Богов истощил тебя сильнее, чем смерть. Не верю, что ты не знал об этом заранее.

Кевин поднял взгляд и открыл было рот, чтобы возразить, но Освальд перебил его:

— Ты помнишь, что говорил мне перед уходом? Когда ты заявил, что отправишься в Гробницу Богов один, твой тон был таким беспечным, словно ты собрался на обычную прогулку. И каков итог?

Кевин пожал плечами, сохраняя все тот же равнодушный вид:

— Итог таков, что я без проблем добрался до священной воды, разве нет?

Освальд не стал спорить. Вместо этого он твердо отрезал:

— Готов поспорить, если бы я тебя не запер, ты бы уже завтра снова отправился рисковать жизнью.

Кевин и злился, и смеялся одновременно:

— Я что, больной или напрашиваюсь на неприятности? С чего бы мне просто так рисковать жизнью?

Освальд кивнул, соглашаясь:

— Именно что напрашиваешься.

Кевин: «...»

Ему безумно захотелось запустить чем-нибудь тяжелым в благородное лицо императора, но, увы, все предметы, пригодные для метания, Освальд предусмотрительно убрал из комнаты.

<http://bllate.org/book/18285/1753222>